Лисица, петух и журавль

Зачинается, починается хорошая сказка, добрая повесь, не от бурка, не от сивка, не от вёшного воронка, не от молодечкого посвисту, не от бабьего поперду; старая старушка пёрнула, семь кирпич с печи сдёрнула, это не сказка — присказка, будет сказка в субботу по вечеру.

Шла мати-лисича на боярския дом, хотела съись из телятника телёнка, из курятника курёнка, от бабы робёнка, от суки щенёнка, от овчи ягнёнка, от кобылы жеребёнка. Вор-петух увидал, крыльями-перьями затрепетал, заздыпел, весь народ услыхал, набежал; старые старухи с лопатами, с ухватами, старые старики с топорищами, с коромыслами, малы робята с мутовками, с колотовками, хотят лисичу бить и убить. Лисича осердилась, пошла в лес, как горбатой бес, под ольхов куст пала, трои сутки пролежала. Вор-петух полетел в чистое поле, на красное древо сел. Мати-лисича пролежалась, пошла по чистому полю; идёт возле древо красно; на древо красно звела оком ясным, сидит вор-петух.

— Што, вор-петух! из своей охоты леташь, але нас зверей увидашь?

— Э, мати-лисича! из своей охоты летаю, а не вас зверей увидаю.

— Што, вор-петух, слезь да покайся, посленьнё времё близко, конец житья ноньце: люди живут по одной жены держат, ты много жон держишь, дерёшься, до кровавых ран для их цапаишься.

Петух стал с ветки на ветку, с сучка на сучёк, пониже, да пониже скакать. Мати-лисича подбегала, крепко петуха в кохти хватала, крылышки, перышки на сторону расклала, начала трепать и приговарить:

— Ну што, вор-петух! Когда мне была крайная нужа, смерть голонна, я богатому купцу але боярину шла, у его хоть бы чего-нибудь съела — много-ле у него знать? А тогда тебя чорт в первых одрал.

Петух на то сказал:

— Э, мати-лисича, княгина, государына! Тебя люди знают, господа почитают, шубки-юпки шьют, по празникам носят; у онного хозяина живут, а двум не служат, у тебя буду жить, дак и тебе служить.

— Вор-петух! Не строй лясы, не точи балы.

Пуще старого трепат приговариват.

— Э, мати-лисича, княгина, государына! Тебя люди знают, господа почитают, шубки-юпки шьют, по праздникам носят, у одного хозяина живут, двум не служат, у тебя буду жить и тебе служить; будем с тобой поживать край моря, доспеем келейку, ты будешь поживать просвиры попекать, а я поедать, да песенки попевать.

Мати-лисича вслабя коктях. Петух вылетел, сел на древо красно.

— Э, мати-лисича! Проздровляем вас в новом чину, ешь кляп да ветчину, не хошь-ле орехов, не выломай зубов.

Мати-лисица пошла по чистому полю, запечалилась пуще старого, ей встречу идёт жараф.

— Што вор-жараф идёшь улыскаисьсе?

— Што так, мати-лисича, печально идёшь ругаишсе?

— А как мне не ругатца, когда посленьня птица в колеснице и та надомной насмеялась.

— А хто же э́кой?

— А вор-петух.

— А, мати-лисича, умеешь-ле летать?

— Летать не умею.

— Садись на меня, я научу.

Села на журава. Жураф ей унёс высоко

— Мати-лисича! Видишь ли землю?

— Ёдва-ёдва, с овчину место оказыват.

Жураф ей стрехнул с себя; мати-лисича пала на мякко место, на сенную кучу. Жураф подлетел.

— Мати-лисича! Умеешь-ле летать?

— Летать бы и умею — садитца тежело.

— Садись на меня, научу.

Села на журава. Выше старого унёс жуваф лисичу; стрехнул с себя. Пала мати-лисича на твёрдое место, на болотно: три сажени кости в землю ушли — одно званье у лисичи осталось.

А у купця курицы стали еицы терять, плохо садить.

— Што вы, курицы? куды еицы девайте, тереите?

— А потому мы еицы терям, как у нас ласкового хозяина, петуха не стало.

— А где же ваш петух?

— А наш петух сидит в чистом поле, на красном древе.

У купца был индейской петушищо. Слетал он в праздничной день до обеда... [1]

— Што вор-петух? И где был, где шаталса, и скиталса?

— А я не здешной, приежжой, Бараковской уличи от безногой курицы.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.

1 Петух воротился к купцу, купец и спрашивает: